

Слуга государев

Автор:

Олег Рясков

Слуга государев

Олег Станиславович Рясков

1709 год. Францией все еще правит стареющий Людовик XIV. В Версале два французских дворянина, поссорившись из-за карточной игры, нарушают существующий запрет на дуэли и оказываются между тюрьмой и плахой палача. Милостью короля казнь заменена ссылкой в Россию, которая ведет войну против Швеции. Оба попадают в противоборствующие армии накануне Полтавского сражения.

Олег Рясков

Слуга государев

Пролог

После того как в сентябре 1708 года русским войскам удалось разбить шведский корпус генерала Левенгаупта в сражении у Лесной, где шведы потеряли не только весь обоз, но и вышли на соединение с основными силами Карла XII с большими потерями, наступило затишье. Зимой военные действия России и Швеции свелись лишь к небольшим столкновениям. Для шведов это было почти

спасением. В лагере уже давно наступили голодные дни. Королевские фуражисты рыскали повсюду, но найденного провианта едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Весной 1709 года, когда русские снова активизировались, это вконец ухудшило и без того плохое снабжение. Кроме разорения селения Батурин, вотчины гетмана Мазепы, перебежавшего на сторону шведов, Меншиков по приказу Петра сжег также Запорожскую Сечь и множество окрестных сел, дабы истребить гнездо бунтовщиков до основания. Эта тактика выжженной земли привела к гибели почти тринадцати тысяч местных жителей. Но нравы ведения войн того времени позволяли государям не задумываться о моральной стороне дела, а с военно-тактической точки зрения дали желаемый результат.

Шведский король Карл XII из-за отсутствия должного снабжения провиантом и припасами был вынужден двинуться не к Москве, а к Полтаве. По уверениям гетмана Мазепы, именно там можно было разжиться всем необходимым: издавна этот город славился развитой торговлей, и городские склады ломились от припасов. К тому же этой осадой Карл надеялся принудить Петра I прийти на помощь к осажденным и сблизиться для решающего сражения с его армией. Шведским войскам это было жизненно необходимо. В исходе битвы в открытом бою Карл не сомневался, но его армия таяла на глазах, ставя успех всей Северной кампании под сомнение. Подойдя к Полтаве, шведы предложили городу сдаться. Этот небольшой городок был обнесен валом с невысоким палисадом и охранялся весьма скромным гарнизоном в две с половиной тысячи солдат под началом полковника Келина. Тем не менее сей brave офицер от сдачи отказался. Никто из шведского командования всерьез не воспринял его слова. О численности гарнизона шведы знали от перебежчиков, что же касается двух тысяч горожан, также взявшихся за оружие, их в расчет вообще не брали.

В апреле полки генерала Шпара начали осадные работы. А уже в начале мая шведы предприняли попытки взять город несколькими приступами, но вынуждены были отступить, понеся немалые потери. Маленькая крепость стойко защищалась, отразив двадцать приступов. Вдобавок ко всему русские смогли пробиться к осажденным с подкреплением в два батальона (около девятисот человек) во главе с полковником Головиным. Возможно, неудачи осаждающих были вызваны отсутствием у них осадных орудий. Так или иначе, крепость держалась. Но произошло то, чего так ждал Карл XII: Пётр Первый наконец-то выдвинулся к Полтаве во главе нескольких свежих батальонов.

Меншиков поспешил оповестить осажденных сим радостным известием, однако с этим вышла заминка. Причин тому было несколько. Во-первых, шведский офицер, стоявший во главе дозора и допустивший прорыв русских подкреплений к Полтаве, был примерно расстрелян перед полком, что послужило наукой караульным. Кроме того, те из казаков, кто симпатизировал шведам, моментально докладывали о приближении русских. Как бы то ни было, более ни один из курьеров до цели так и не добрался. Тем не менее Меншиков не терял надежды и посылал курьеров кружным путем через болотистые леса, коим и была окружена Полтава.

Часть 1

Глава 1

С верхних веток вспорхнули несколько птиц, обронив листву с кроны деревьев под копыта ступающим шагом лошадям. На лесной дороге показались два всадника. Несмотря на лето, они кутались в плащи. Солнечные лучи почти не проходили сюда, да и стоявший в лесу плотный туман, словно холодное дыхание, окутывал путников. Чаща, обрамленная этой седой пеленой, лишь изредка оглашалась карканьем ворон и зловещей дробью дятла, эхом разносимой по округе. Причудливые столетние дубы с гигантскими выступающими над землей корнями, покрытые мхом, сплетались ветвями где-то наверху и образовывали плотный шатер, словно защищая это лесное безмолвие от остального мира. Зелено-красный цвет мундиров выдавал во всадниках русских, а курьерские тубусы, повешенные через плечо, – курьеров. Они спускались в низину, где туман дошел до стремян, полностью скрыв ноги лошадей.

Внезапно раздался треск, и поперек дороги с шумом рухнуло старое дерево. Лошади, захрипев, шарахнулись назад. Солдаты насилу сладили с ними и остановились, с тревогой оглядывая лес. Наступила тишина. Лишь отдаленная дробь дятла зловеще доносилась из чащи. Никто не подавал никаких признаков

жизни, что породило сомнение: не само ли дерево рухнуло под бременем лет?

- Видел что? - справился у товарища первый гвардеец.

- Да вроде нет, - всматриваясь в листву, прошептал второй.

Не успел он ответить, как послышался нарастающий свист, и бедняга, схватившись за голову, со стоном рухнул на землю. Рядом с ним валялась оперенная стрела, но вместо обычного стального наконечника на ней было утолщение, что выдавало намерение не убивать жертву, а лишь оглушить.

Оставшись в седле, конник вскинул ружье и снова начал оглядывать листву, пытаясь понять, откуда прилетел сей смертельный гостинец. Свист снова рассек воздух, и сухая ветка над ним, обломившись, упала ему на плечо. Он развернул коня вспять и, подъехав к раненому товарищу, собирался помочь ему забраться на коня, но тут очередная стрела с силой ударила его в затылок, сбив шляпу. От неожиданности седок дал шпорой лошади. Та было понесла, и седок, успевший вцепиться в ее загривок, был унесен испуганным животным прочь.

Поверженный курьер сел, отер глаза от лившейся с рассеченного лба крови и огляделся. С пригорка к нему спускалась фигура в длинном черном плаще. Он попытался двинуться, но охнул от боли: одна нога была вывихнута. Понимая, что скрыться ему не удастся, солдат попытался дотянуться до упавшей фузеи, но уж больно далеко было спасительное оружие. Враг подходил все ближе, и гвардеец был вынужден откинуться назад, притворившись мертвым.

Тем временем фигура, бесшумно ступая по траве, приблизилась и склонилась над ним. Ловко обшарив карманы и открыв тубус гвардейца, незнакомец нашел письмо и поднялся. С минуту стояла тишина, и раненый приоткрыл глаза: человек в плаще читал найденный свиток. Гвардеец как можно незаметнее потянулся к своей шпаге и нащупал рукоять. Каким бы легким ни было это движение, незнакомец его уловил, в руке мелькнул арбалет - лесную тишину пререзал крик несчастного.

В русском лагере было тихо. Последнюю неделю в срочном порядке заканчивали фортификационные работы. Лето стояло жаркое, поэтому утомленные дневными работами солдаты охотно спали, отдыхая от полуденного зноя. Луна холодными светом очерчивала бесчисленные палатки лагеря. Между ними кое-где горели костры, возле которых сидели сменившиеся с караула солдаты.

– Уж какой раз такое приключается! – усатый гвардеец кивнул в сторону фельдшерского шатра, куда занесли раненого курьера:

– Кто к крепости ни пытался пробраться, – все сгнули. Фёдор-то один, кто возвратился, да и то, ничего толком не видел.

– Знать, шведы плотно сомкнули кольцо.

– Кабы только они.

– А кто?

– Казачки, что с Мазепой переметнулись, все подступы и караулят.

– Яков-то, с Семёновского, сказывал, мол, что давно нечисто в этих лесах. Стоял он в дальнем карауле – так перед ним как из-под земли вырос всадник, весь в черном, и лошадь как смоль стоит, будто смотрит, а под капюшоном – пустота. Стрельнул по нему Яшка-то, а дым как рассеялся – ни всадника, ни лошади!

Вот уже несколько дней в лагере только и было разговоров, что о пропаже курьеров. Наиболее суеверные винили во всем нечистую силу, другие – таинственного местного мстителя, но все сходились на том, что в облике черного всадника кто-то рыскал по местным лесам и болотам. Будоражил он людское воображение, и приписывали ему все новые и новые подвиги. Меж солдат уже и легенда ходила, объясняющая, откуда он взялся. Бывало и воины слушали эти рассказы с улыбкой, но в дальние дозоры, что были ближе к лесу, тоже шли с опаской. Вот и теперь Семён, отслуживший в полку, почитай лет десять, не удержался, чтоб не рассказать сию историю заново.

– Говорят, ховался в этих местах стрелец один – беглый, ну после бунта ихнего. Но царевы людишки его, значит, выследили на болотах, словили, да там же, у евойного шалаша, и вздернули. Дело к вечеру было, и решили они, того-этого, заночевать. Место тама топкое, зело боязно по темноте-то обратно возвращаться, а до берега от шалаша того всего одна тропа и шла – по болоту-то. Выставили, значит, они одного в дозор, у самой топи, да и спать улеглись. А на утро-то дозорный воротился, глядит: лежат они все с порезанными шеями, а повешенного-то на суку и нет. И лошадь одна пропала. С тех пор и ходють слухи, что принял он облик дьявольский и мстит за души стрелецкие.

Караульные перекрестились.

– А лошадь его по болоту да по воде, как посуху ходит, – добавил копейщик Ерёма. Раздалось ржание. Солдаты оглянулись и увидели двух приближающихся офицеров. Даже в ночной темноте они узнали светлейшего князя по блестящим галунам, да и царского любимца – Гришку Воронова: – Вот и начальство до Фёдора прибыло, – процедил Ерёма.

Офицеры подъехали к палатке, где лежал раненый курьер, спешились. Воронов вздернул полог и, пропустив Меншикова, вошел следом. Фельдшер, дремавший в углу, при виде высоких гостей услужливо поклонился, но увидав знак удалиться, вышел.

Григорий кивнул на солдата.

– Вот он, герой наш.

Раненый попытался приподняться, но князь остановил его и сел рядом с кушеткой.

– Ну что, братец, разглядел, кто это был? Шведы? Ляхи? Али еще кто?

– Я толком не разобрал, ваша светлость. Помню, значит, как дерево поперек тропы повалилось, ну лошади заметались, да потом будто тень какая по кустам мелькнула. Тут Фому из седла и выбило. А перед этим только свист слышал, – испуганно перекрестился солдат.

– А что товарищ твой? – поинтересовался Григорий.

– Так лежал замертво! Подъехал я к нему помочь, тут меня и самого, значит, по затылку садануло.

– А потом? – не унимался Воронов.

– Так у меня как лошадь понесла, я, ваш благородь, видеть его ужю не видел, токмо крик слышал. Кричал аж жуть как.

– А письмо где? – остановил причитания курьера князь.

– Так у Фомы и осталось.

Григорий лишь задумчиво протянул:

– И вправду герой...

– Толку-то с него, как от козла молока. Лошадь понесла, не разобрал, не видел, – с досадой сказал Меншиков, встал и вышел из палатки.

– Тень, говоришь? – Воронов еще немного постоял над раненым, чем совсем смутил солдата. Однако не осерчал, как светлейший, лишь прищурился: – Ладно, бывай!

И пошел догонять князя, благо тот курил возле лошадей.

Увидев Воронова, он помотал головой:

– Неладно как-то. Уже третий разъезд теряем. Ты же родом отселе вроде? Места эти знаешь, может, съездишь, глянешь, что к чему? Письмо важное пропало, негоже ему в чужих руках оказаться.

Григорий посмотрел на темное небо, усыпанное звездами:

– Я тут почитай лет пять как не был. Ежели шведы перехватили, письма уже не сыскать. Сам знаешь...

– А ежели не шведы?

– А ежели не шведы – поглядим, – он втянул носом ночной воздух. – Ночь-то какая!

Меншиков глянул на сидевших у костра караульных.

– Да, вот еще что: среди солдат болтают про какого-то черного всадника, – Гришка вопросительно вскинул брови, а Меншиков продолжил: – Но, дескать, является ниоткуда и исчезает в никуда.

Гришка, ехидно глянув на князя, не выдержал и, расплывшись в улыбке, продолжил:

– И лошадь евойная по воде как посуху ходит.

Меншиков укоризненно покачал головой:

– Ну чего ты скалишься?

У Гришки в глазах засверкали озорные искорки:

– И ты веришь в эту брехню?

Меншиков потупился, словно оправдываясь:

– Ты ж меня знаешь, но людишки-то Богу души отдают.

– Отдают, да только я в черта поверю, лишь когда за хвост поймаю, а этот крендель не страшнее нас с тобой будет.

В нахальных глазах Воронова читалась удаль. Он ободряюще хлопнул князя по плечу и вскочил в седло. Меншиков на всякий случай перекрестился, проводил

Григория взглядом, пока тот не скрылся из виду, и направился к своей палатке.

Глава 3

С момента возвращения герцога Орлеанского[1 - Принц Филипп Шатрский, герцог Орлеанский, сын Филиппа – брата короля Луи XIV.] ко двору придворная жизнь заметно оживилась. Размолвка с королем у герцога случилась из-за испанской короны, на которую Филипп имел виды. Людовик с помощью переговорщиков отвадил герцога от этой идеи и закрепил правление за своим внуком. Но время шло. В свои семьдесят лет король страдал многочисленными недугами. Намеренно ли, случайно ли, Людовик обронил слово о регентстве, тут же разнесенное по двору. Поэтому с момента возвращения герцога Орлеанского в Париж многие придворные сочли необходимым засвидетельствовать ему свое почтение. Та холодность, которая воцарилась в последние годы между Луи и семьей его брата, сошла на нет. Потерявший умершими от болезни всех своих детей, Людовик спешил приблизить племянника неслучайно – это был единственный достойный по крови претендент на регентство, пока подрастает малолетний внук короля. В последние годы Луи XIV все больше пребывал под влиянием затворнических идей набожной мадам де Ментенон. Пышные праздники, коими славился французский двор в XVII веке, давно ушли в прошлое; настольные игры оставалась едва ли не единственной забавой придворных. Сегодня его величество ожидали на карточной игре.

Поговаривали, что недавняя размолвка с мадам давала шанс герцогу Орлеанскому на более тесное сближение, правда, по Версалю ползли слухи, что поводом для ссоры послужило чрезмерное влияние короля к молоденькой фрейлине, герцогине Беррийской, некоей мадмуазель де Монтеррас. Слухи усилились, когда на девушке появилось бриллиантовое кольцо, подаренное неизвестным воздыхателем. А так как король на одном из недавних приемов задержал свой взгляд на сей юной особе дольше обычного, подарок был немедленно приписан именно ему. Все это граф де Гиш преподнес прибывшему герцогу в тончайших подробностях. И виновница сей истории предусмотрительно была усажена за центральный стол, где обычно играл сам

король.

На Версальский дворец опускался вечер. Когда остановилась очередная карета, из нее вышел человек в легком плаще и треуголке. Придворные, ждавшие герцога, зашептались: прибыл один из самых заметных молодых щеголей шевалье Шаль Огюст де Брезе, кому благоволил сам король. Поприветствовав стоявших у кареты придворных легким кивком, он направился к залитому огнями дворцу. Мужчины кланялись ему, провожая завистливыми взглядами, дамы сплетничали о его любовных победах, прикрываясь веерами. Точеные черты его лица, так очаровавшие фрейлин, придавали ему сходство с греческим богом Аполлоном, а аккуратно подстриженные усы над чувственными губами усиливали романтический вид, который не мог оставить равнодушными версальских красавиц. В свои неполные двадцать три года он стал завидным женихом: все его родственники – и отец, и старший брат – пали в Гохштецком сражении, сделав его единственным наследником. Плюс ко всему, осиротев, Шарль обрел в короле благодетеля. Людовик не забыл заслуги старшего де Бриза, служившего ему еще со времен Фронды, и не позволил Шарлю, последнему из рода, отправиться на войну. Сдержанно отвечая на поклоны, Шарль подошел к салону Венеры, который в этот вечер занял герцог, устроив там карточную баталию. Столы, расставленные по кругу и накрытые зеленым сукном, были почти пусты. Небрежно брошенные на них карты говорили о прерванной игре. Все столпились у центрального стола, где соперничали, играя в Пок[2 - Французский аналог Покера.], граф Ла Буш и мадмуазель де Монтеррас. Ставками игроков служили не только золото, но и драгоценности: на столе горкой лежали и монеты, и украшения. Граф де Ла Буш, господин лет тридцати, с красивыми, не лишенными коварства глазами, умеренно повышал ставки, присоединяя один за одним к горке украшений свои перстни. Виной этому было то, что он увлекся очаровательной соперницей куда сильнее, нежели самой игрой. Мадмуазель Шарлотта де Монтеррас, внезапно вознесенная молвой фаворитки Людовика XIV, совсем еще юная особа, взятая скорее из-за прелестной внешности, нежели из-за происхождения, все еще смущалась всеобщему вниманию, а гора бриллиантов и количество золота на столе и вовсе повергали ее в шок. За этой игрой и наблюдали придворные, негромко переговариваясь между собой. Лишь один из них беседовал с секретарем короля на темы, далекие от игр.

– Среди иностранцев при дворе Петра ходит анекдот: в образе всадника Апокалипсиса некий демон в плаще разъезжает по полям между сражающимися, и сему есть свидетельство – мсье Болюс в последней корреспонденции подробно описал это.

Тонкие брови секретаря ехидно изогнулись:

- Россия - страна дикая, люди там темные, на легенды падкие. Думаю, наш Жак впечатлялся этими рассказами на одной из попоек царя.

Некоторое движение среди придворных показало, что к салону приближается знатная особа, и секретарь, поклонившись собеседнику, повернулся к дверям. В салон вошел герцог Орлеанский вместе с графом де Гишем. Теребя свой сандаловый веер и отвечая на приветственные поклоны, граф продолжил обзор светских сплетен, коими развлекал его светлость.

- Никто так и не понял, зачем графиня завела эту обезьянку.

Герцог усмехнулся:

- Просто ей опротивели ее ухажеры. Захотелось свежего лица. О, смотрите, ваша Монтеррас скоро проиграет все, что подарил ей король.

Де Гиш запечатлел на устах кривую ухмылку.

- Тс-с, я же говорил - это всего лишь сплетня. Может, ожерелье из сундуков ее папаши.

- Вряд ли, он потерял состояние еще во времена Фронды, - возразил герцог.

- Вы всерьез полагаете, что его величеству захотелось отвлечься от молитв в обществе мадам? - усмехнулся де Гиш.

- Седина в бороду, бес в ребро! - взгляд герцога остановился на появившемся де Брезе.

- А вот и наша гроза вдов и жен. В последнее время он тоже вертится около Монтеррас. Все так и лезут выразить ей свое почтение! - прошептал граф.

Герцог Орлеанский пожал плечами:

– А что король?

– Насколько я понял, после ссоры с мадам он не прочь развлечься, – продолжил де Гиш: – но он стар и ленив. Правда, если расставить сети, куда заплывет наша мадмуазель, он вряд ли откажется проверить улов.

Герцог снова насмешливо покосился на Монтеррас.

– Да, только наша простодушная рыбка может и не клюнуть. Увы, времена, когда фрейлины ловили любой намек короля, прошли. Тем более она провинциалка, она во фрейлины-то попала разве что благодаря просьбе своего папаши, который при дворе до этого появлялся всего дважды, кажется, на казнь Равальяка[3 - Равальяк – убийца короля Генриха IV.]? И в день победы над Фрондой.

Герцог рассмеялся. Его смех, по-видимому, долетел до мадмуазель де Монтеррас. Ее взгляд случайно упал на вошедшего де Брезе. Тот учтиво поклонился.

– Де Брезе сейчас в фаворе у Людовика, после гибели своего отца, – продолжил де Гиш.

– Да, такие вечно путаются под ногами, он может мне помешать. Его стоит убрать подальше и, кажется, я знаю как, – улыбнулся герцог, от внимания которого не скрылся обмен поклонами Шарля с Монтеррас.

Игра за столом приближалась к кульминации. Ставки с каждым разом делались все значительнее. Увидев, что девушка собирается снять с шеи кольцо и поставить его на кон, де Брезе направился к игровому столу. Проходя за спиной графа, он не преминул ознакомиться с его картами и встал за спиной фрейлины. Де Монтеррас тем временем все-таки сняла с себя кольцо и придвинула его к золотым монетам и прочим драгоценностям, лежавшим на столе в качестве ставок. Все в зале изумленно уставились на нее. Ла Буш скорчил ехидную гримасу. Его ответом на ставку послужил перстень с огромным алмазом. Герцог Орлеанский, выражая смелость мадмуазель де Монтеррас, пожурил ее:

– Право, мадмуазель, ваша ставка рискованна. Господин ла Буш сегодня прихватил массу украшений.

Де Брезе подхватил мысль герцога:

- Да, у графа были все шансы на победу. На нем вечно столько всяких побрякушек.

Шарль понизил голос:

- Но волноваться причин нет. Это была его последняя.

Мадмуазель де Монтеррас, захлопав ресницами, невинно запротестовала:

- Думаете, у меня есть шанс?

- Доверьтесь мне, - улыбнулся де Брезе.

- Интересно, что скажет король, если увидит свой подарок на графе, - обронил вполголоса герцог.

Он недвусмысленно кивнул на бесценное кольцо. Сидящая рядом с ла Бушем придворная дама оценила шутку:

- Вы всерьез будете его носить, граф?

Де Брезе тоже нашел шутку удачной:

- Вряд ли граф наденет женские украшения при всех.

Ла Буш, слегка наклонив голову влево, глянул на собеседника:

- Не судите по себе, шевалье, а то ваши фантазии примут всерьез и запишут на ваш счет.

Де Брезе, мастер в подобных пикировках, поддразнивая графа, так же наклонил голову, ответив в тон собеседнику:

– Моя шутка хороша для тех, кто ее понял, мсье. А счет всегда можно оплатить. Главное, чтобы кредитор не затерялся.

Все присутствующие замерли. Это был почти прямой вызов. Но в перепалку вмешался герцог Орлеанский. Открытая ссора перед прибытием короля не входила в его планы.

– Господа, вернемся к игре. Мадмуазель, ваша ставка? Или вы бросите карты?

Де ла Буш, отпив вина, поставил бокал перед собой, словно хотел отгородиться от дальнейших ставок соперницы. Вокруг разочарованно вздохнули, понимая, что де Монтеррас вряд ли продолжит. Все ее золото и украшения уже лежали на столе. Она подняла глаза на де Брезе:

– Шевалье, мне придется бросить карты? У меня ничего не осталось.

Молодому человеку, знавшему карты соперника очаровательной кокетки, не составило труда сделать правильный выбор. Насмешливо глядя на графа, он снял с шейного платка красивую брошь с алмазами, не уступавшими по своей цене перстню графа, и положил рядом в качестве ставки.

– Ничего не бойтесь, мадмуазель, выигрыш ваш.

У Монтеррас от волнения вспыхнули щеки, и она еле слышно пролепетала:

– Господи, я вся горю, – и добавила чуть громче, – вскрываемся.

Ла Буш скривился в усмешке. Последняя ставка решила исход партии. Графу осталось только вскрыть карты. Он медленно, одну за другой выложил их на стол и откинулся в кресле. Вокруг стола одобрительно зашумели: карты были неплохие – три короля и туз с десяткой. Но карты у де Монтеррас оказались сильнее: три валета и две восьмерки. У придворных вырвался возглас удивления. Выигрыш был столь значителен, что с этой минуты де Монтеррас

грозило стать жертвой не только сплетен, но и зависти. Придворные дамы продолжали щебетать.

– Боже мой, для этой бедняжки это целое состояние.

Мадмуазель де Монтеррас, все еще не веря невероятному выигрышу, воскликнула:

– Да на это можно купить целый замок!

Граф поклонился сопернице и кисло улыбнулся:

– Небольшой такой.

Де Брезе, нагнувшись поцеловать руку счастливице, произнес:

– Надеюсь быть в нем первым гостем.

Наблюдавший за его любезностями герцог Орлеанский сквозь зубы процедил де Гишу:

– Где первый гость, там и второй.

Де Гиш ухмыльнулся и прибавил к изречению приятеля:

– Занимайте очередь.

Задуманный план отдалить де Брезе от короля начал осуществляться, оставалось лишь поставить точку.

Герцог окликнул проходящего мимо де Ла Буша и пригласил знаком присоединиться к их компании.

– А де Брезе-то сегодня блещет остроумием, – сказал он подошедшему графу.

Де Гиш подхватил мысль герцога:

– Да-да, эта шутка по поводу женских украшений, – герцог, многозначительно поглядывая на де Монтеррас, которая вернула де Брезе его брошь, нарочно растягивая каждое слово, изрек: – Шутка удалась, а счет-то остался неоплаченным.

Ла Буш оглянулся на де Брезе и усмехнулся:

– Вы что, предлагаете мне дуэль? Из-за украшений?

Де Гиш уловил хитрую гримасу герцога и, истолковав это руководством к действию, подлил масла в огонь:

– Друг мой, уверяю, спуская такого рода остроты, вы скоро обростете коростой, а этого повесу давно пора проучить. Да и потом, чем вы рискуете, имея таких секундантов?

В эту минуту раздался громкий голос церемониймейстера:

– Его величество король Франции Людовик XIV.

Гости встали, повернулись к дверям и почтительно застыли в глубоком поклоне. Его величество шел не спеша, время от времени кивком головы приветствуя своих подданных. Граф де Ла Буш, оказавшийся около де Брезе, склоняясь в поклоне, прошептал:

– Надеюсь, вы умеете играть и в другие игры, кроме карт.

Молодой франт покосился на графа:

– Если вы ищете учителя по играм, уверяю, урок будет платным.

Тот продолжил вполголоса:

– К счастью, я проиграл далеко не все: шпага при мне, готов показать ее вам в любой момент.

– Я бы взглянул на нее завтра.

– Где и когда?

– В конце парка, у леса Сатори. В полдень.

Де Брезе оглянулся на мадмуазель де Монтеррас: на ее лице все еще оставался румянец, выдававший недавнее волнение. Когда с ней поравнялся король, от него не скрылось то необычное состояние, в котором пребывала раскрасневшаяся фрейлина.

– Мадмуазель, вы сегодня так обворожительны, и что ввело вас в краску? У вас такой вид, словно вы загнали лань на охоте.

Де Монтеррас склонилась в реверансе еще ниже:

– Визит вашего величества столь трепетен для меня, что поневоле приводит в смущение.

– Ваш комплимент принят. Но, мадмуазель, я слишком хорошо знаю женщин, чтобы верить им на слово, – усмехнулся король и обернулся к герцогу. – Что скажете, Филипп?

– Думаю, скорее азарт игры склонил мадмуазель к этому состоянию, – почтительно ответил тот. Но потом, загадочно усмехнувшись, подытожил: – Хотя кто знает: чужая душа – потемки.

Король снова посмотрел на де Монтеррас:

– Слышали, мадмуазель, мой племянник прав. Хотя в этой игре такой показ чувств скорее минус, чем плюс. Филипп, вы и шевалье де Брезе играете сегодня со мной и пригласите мадмуазель де Монтеррас.

На другом конце Версаля было почти пусто. Мадам де Ментенон едва сдерживала слезы. Как никто другой она знала, что значит такое охлаждение. К тому же сплетни о королевской благосклонности к молоденькой фрейлине достигли и ее спальни. Но она даже не подозревала, сколь далеко шли планы

герцога Орлеанского. В ту ночь он проиграл мадмуазель кучу денег и, когда король удалился, вовсе не выглядел огорченным – напротив, герцог был весел и, подзвав де Гиша, схватил того за плечо:

– Кажется, план сработал. Нужен лишь финальный аккорд.

– Какой именно?

– Напишем два любовных письма: от нашего героя к мадмуазель и наоборот. Готов поспорить, они сегодня же встретятся. Когда тропинка в сады Венеры будет протоптана, мы подскажем королю, где занять место, чтобы полюбоваться этой пьесой.

– Погодите, а как же дуэль?

– Дуэль, мой друг, – герцог Орлеанский многозначительно поднял брови. – Дуэль – штука шумная, и в этой истории самая главная. Аминь.

Глава 4

Раннее утро Версаля, окруженного застывшим пейзажем регулярного парка, выдалось тихим и ясным. Холодный пробирающий воздух, деревья, не смевшие шелохнуться, и начинающее синеть небо наполняли первые часы зарождающегося дня чистотой и умиротворением. Прозрачное утро отличалось от бурной версальской ночи, как роскошная кокетка от прекрасной, но застенчивой камеристки. Погасли канделябры, факелы, жирандоли, и только солнце, тронув макушки парковых деревьев оранжевым светом, подчеркивало силуэт здания. Природа оберегала сон короля Людовика, отправившегося в свои покои лишь в пять утра. Гости, пришедшие накануне, выглядели заспанными и слегка помятыми, как это обычно бывает после шумной вечеринки. Шарль направлялся к своей карете, когда детский голос окликнул его по имени:

– Шевалье де Брезе, вам письмо.

Он обернулся и увидел арапчонка, протягивающего аккуратно сложенный листок. Аромат духов, исходивший от бумаги, заинтриговал его. Он отошел в сторону и распечатал записку. Она состояла всего из двух строк:

«Жду вас сегодня у себя,

ваша Шарлотта де Монтеррас.»

Столь откровенное приглашение его озадачило: поскольку мадмуазель совсем недавно появилась в Версале, это выглядело подавно странно. Еще раз перечитав письмо, юноша окинул взглядом окна дворца, где располагались комнаты мадмуазель, и закрыл дверцу кареты.

Шарлотта готовилась ко сну, предаваясь пьянящим воспоминаниям об удачной игре, невероятном выигрыше и бескорыстной помощи шевалье де Брезе. Все это окрыляло: ее неискушенный ум еще не в полной мере осознал, насколько ей приятно внимание этого кавалера. Но сердце, очевидно, вполне созревшее для роковых страстей, билось сильнее от одной только мысли о Шарле. Не будучи воспитанной при дворе, она еще не преуспела в искусстве кокетства, и версальская вечеринка переполняла ее впечатлениями. Камеристка завершала последние приготовления Шарлотты ко сну, но тут в комнату вошла горничная. Она держала в руке письмо.

– Это, должно быть, для вас, мадмуазель. Письмо лежало под дверью, на полу.

Шарлотта развернула листок бумаги, прочла и, покраснев, быстро сложила его, будто пряча от самой себя столь откровенные строки. Поднявшись из-за стола, она проследовала в спальню, где вновь перечитала повергшее ее в смятение послание.

«Мадмуазель, смею надеяться, что те знаки внимания, коими вы одарили меня за карточной игрой, не просто женское лукавство, ибо я потерял покой и сон, и теперь не могу прожить ни минуты, не думая о вас.

Отныне и навеки

ваш Шарль де Брезе».

Она была в смятении: бояться столь откровенного признания или подчиниться нахлынувшему чувству. Де Брезе ей нравился. К тому же она оценила оказанную ей услугу. «Может ли это быть началом романа?» – спрашивала не раз она у себя самой за эту феерическую ночь и не находила ответа. Столь смелое письмо шевалье окончательно сбilo ее с толку. Она слышала, что он имеет репутацию повесы, но его взгляд был так искренен.

– Спасибо, Элиза, – отпустила горничную Шарлотта, желая остаться в одиночестве.

Покидая покои своей госпожи, горничная чуть не столкнулась в дверях с незнакомым красавцем.

Это был Шарль. Он улыбнулся, прижал палец к ее губам и, достав из кармана золотую монету, многозначительно поводит ею в воздухе. Элиза не смогла устоять ни перед золотым, ни перед приятным незнакомцем. Де Брезе открыл дверь и вошел в спальню. Шарлотта задумчиво смотрела в окно на золотистую кромку рассвета, тронувшую верхушки деревьев парка, все еще держа письмо в руках. Скрип двери заставил ее повернуться.

– Вы? – пролепетала она.

Несмотря на то, что всего несколько мгновений назад девушка думала о нем, она все равно почувствовала себя застигнутой врасплох. Этот молодой человек, хоть и был ей приятен, но он стоял перед ней в ее спальне. Смутившись, она попятилась вглубь комнаты. Тишину разорвал горячий шепот Шевалье.

– Не бойтесь, мадмуазель. Видите, всего несколько строк, и я здесь, у ваших ног!

Шарль смиренно смотрел на девушку. Положив шляпу и сбросив плащ, он направился к ней. Шарлотта попыталась отступить, но уперлась в стену. Шарль медленно приблизился. От неожиданной близости у нее закружилась голова, и несколько секунд она еще пыталась противостоять неразумным порывам, не отвечая, но, почувствовав жар его поцелуев, Шарлотта сдалась. Кружевной пеньюар соскользнул с плеч. Тем временем Элиза, получив вознаграждение, направилась было к себе, но женское любопытство пересилило: она на цыпочках подкралась к дверям спальни и заглянула в щель. Ее госпожа пылко целовалась с молодым шевалье.

К великому разочарованию горничной, ей не удалось досмотреть любовную сцену до конца – кто-то больно ухватил ее за ухо. Обернувшись, она увидела строгую камеристку, жестом приказавшую ей удалиться. Как только служанка скрылась за дверью для слуг, в комнату вошел де Гиш. На его немой вопрос, сопровождаемый нетерпеливым кивком в сторону спальни, камеристка многозначительно кивнула в знак подтверждения. Де Гиш положил на край столешницы камина несколько золотых и направился к покоям герцога, насвистывая военный марш. План сработал, но королю сей факт донести так и не смогли: утомившись от затянувшейся игры, Людовик приказал не будить себя до вечера.

Глава 5

В полдень у леса Сатори на тенистых аллеях парка одна за другой появились две богато отделанных кареты. Смотритель, подметавший палую листву, прервал свою работу, глаза на пышно одетых дворян. Он сразу догадался, зачем они появились на окраине парка. Это место нередко выбирали дуэлянты. Граф Антуан де ла Буш, прибывший несколько ранее, уже поджидал противника в обществе своих секундантов. Внешне он выглядел совершенно спокойным. Все

это походило бы на пикник, если бы слуги не разложили на траве бинты и воду. Граф дал зрителю парка какую-то мелочь, и тот удалился.

Как мы рассказали, де Брезе не заставил себя долго ждать. Его карета замелькала в листве и подкатила к лужайке. Он также прибыл в обществе двух друзей. Дуэлянты поприветствовали друг друга поклонами и разошлись по разные стороны лужайки, которой в этот день надлежало стать полем боя. Ла Буш снял камзол и португезию, вытащил шпагу и протянул ее де Гишу. Шарль снял камзол, ловким движением обнажил шпагу, перехватил за лезвие и тоже отдал своему секунданту. Тот подошел к середине поляны, где его ожидал де Гиш. Они педантично сверили длину клинков и вернули оружие соперникам. Шарль посмотрел на руку. Его пальцы дрожали. Видимо, сказывалась бессонная ночь. В покоях Монтеррас он совсем забыл про дуэль и вспомнил о ней уже под утро, когда Шарлотта уснула. Ему не хотелось покинуть ее. Он долго лежал и смотрел на спящую девушку. Странно, но внутри не было ощущения очередной победы. Невинный профиль молоденькой фрейлины напоминал скорее ребенка. Часы пробили половину двенадцатого. Шарль встал; одеваясь, он почувствовал какую-то печаль, сердце щемило, казалось, расставаясь с новой возлюбленной, он расстается с ней навсегда. В этот момент девушка чему-то улыбнулась во сне и повернулась к окну, обнажив плечо. Он бережно укрыл ее одеялом, с минуты постоял, любясь, и удалился. Теперь ему, стоящему на опушке леса, ночь, проведенная с Монтеррас, казалась чем-то далеким, произошедшим в каком-то волшебном сне. «Может, мы и впрямь более не увидимся?» – подумал он. Несколько раз сжал и разжал правый кулак, пытаясь совладать с дрожью. На другой стороне поляны спокойствие покинуло и графа. Он заметно побледнел, а его подбородок стал предательски подергиваться. Секунданты вполголоса перекинулись парой дежурных фраз о невозможности примирения и готовности дуэлянтов к поединку. И вот наконец соперники сошлись в центре поляны, где, согласно этикету, отсалютовав друг другу, они встали в позицию.

– Представление началось, – прошептал герцог Орлеанский и скрестил руки на груди. Дуэлянты некоторое время стояли без движения, словно изучая друг друга. Первый пробный выпад сделал Антуан. Звякнули шпаги. Удар был отбит. За первым выпадом последовал второй, потом третий. Эту тройную атаку выпадов Шарль отбил, вышел на фланконаду, затем парадой прим, отбив шпагу противника вверх, и низким, почти стелящимся выпадом поцарапал голень противника. Но за столь рискованный маневр пришлось расплатиться. Граф, вопреки ожиданию, не отскочил назад, а остался на месте, лишь сдвинувшись вбок, и нанес Шарлю рубящий удар, который оцарапал тому щеку, рассек воротник и пришелся на плечо.

Дуэлянты разошлись для передышки. Раны были легкие, но тем не менее де Гиш вопросительно взглянул на Антуана. Тот бегло осмотрел ногу: порез был глубокий. Он выпрямился и с досадой срубил ближайший куст. Черт, как глупо он подставился этому повесе. Придется быть внимательнее. Этот фронт не уступает ему в фехтовании, а значит, все рано или поздно сведется к простой случайности. Надо быть осмотрительнее. Он снова встал в позицию и махнул рукой сопернику дав понять, что готов к продолжению поединка. Шарль тем временем ощупывал свое плечо. Рассечение было неглубокое, но широкое. Каждый дуэлянт знает: даже небольшая кровоточащая царапина в начале дуэли может повлиять на исход. Де Брезе воспользовался паузой, чтобы остановить кровь. Он оборвал свой манжет, приложил его к ране. Увидав, что граф его ждет, он бросил манжет в траву и тоже встал в позицию. Поединок продолжился. Кружа по поляне, противники выжидали удобного момента, пока Шарль снова не подловил соперника. Сделав Дегаже[4 - Дегаже - фр. Degager (сброс, удаление): обратное действие как освобождение клинка от захвата.], на долю секунды граф отвел шпагу в сторону, за что сразу поплатился, подпустив Шарля на близкое расстояние. Двумя прямыми выпадами де Брезе заставил его пятиться на своих секундантов. Они расступились, и Антуан, почти не успевая парировать удары соперника, уперся спиной в карету герцога. Миновать удара шансов не было. Шпага де Брезе, скользнув по ребрам, попала ему в бок. Шарль отошел на два шага, желая понять, сможет ли соперник продолжать дуэль. Ла Буш, скорчившись, сполз по дверце кареты и опустился на подножку. Де Гиш сделал шаг к нему:

- Как вы, друг мой? Может, прервем дуэль? Вы весь в крови!

- К черту! - выдавил из себя граф.

Переводя дух, он выставил вперед шпагу, отгораживаясь от противника и ощупывая рану. Красное пятно все шире расползлось по рубашке. Кровь быстро пропитывала ткань: значит, времени у него немного. Через три минуты он уже не сможет драться. Это понял и герцог Орлеанский:

- Все же, граф, может, довольно?

Ла Буш не ответил герцогу, лишь побагровел от душившей его ярости. «Нет уж, доиграем партию до конца!» - пронеслось в голове.

Стряхнув кровь с руки, он захватил горсть земли и швырнул ее в лицо Шарлю. Воспользовавшись временным ослеплением соперника, молниеносно нырнул под шпагу де Брезе и нанес укол снизу вверх. Шарля спасло чудо: шпага Антуана попала в образок на груди, скользнула по нему, и проткнула плечо пониже правой ключицы. Рука де Брезе повисла, как плеть. Он перехватил шпагу левой рукой и изо всех сил обрушил клинок на голову соперника. Изо лба графа хлынула кровь. Он сделал пару неверных шагов и упал к ногам соперника. Выронив шпагу, Шарль посмотрел на свою руку: пальцы перестали дрожать, но все вокруг плыло, он пошатнулся и упал подле графа.

Глава 6

Из-за складок огромного балдахина, свисавшего над ложем, донесся женский смех, оглашая высокие своды спальни. Тяжелый полог откинулся, и из-за них появился обитатель покоев. Нетвердой походкой, спотыкаясь о разбросанную на полу женскую одежду, де Гиш подошел к столу, заставленному фруктами и вином, налил себе бокал анжуйского и трясущимися руками поднес его к губам. Две юные особы, оставшись в кровати, лукаво переглядываясь, всем своим видом призывали продолжить любовную игру. Но молодой человек пребывал явно в ином состоянии, вылечить которое не могли ни вино, ни женщины. Уже второй день как он, покинув Версаль, проводил время в обществе двух очаровательных фрейлин. Тревожное чувство не покидало его, несмотря на выпитое вино. Что-то будет. Гроза вот-вот обрушится на виновников этой затеи. Черт, о чем только думал герцог. Уж точно не о той бойне, про которую теперь гудел весь Версаль. За окном раздалось ржание, и через несколько секунд в коридоре послышались гулкие шаги. Вот оно. Дверь распахнулась, в спальню вошел офицер в сопровождении двух гвардейцев. Покосившись на встревоженных дам, он отчеканил:

– Сударь, вам надлежит незамедлительно прибыть к королю.

Девушки притихли в кровати. Де Гиш застыл с бокалом. Дело даже хуже, чем он мог предположить. Нечасто вот так его звали к королю. И ничего хорошего, судя

по тому, что доставить это известие поручили капитану гвардии, оно не сулило. Молодой человек глянул на посланника и допил начатый бокал: «Терять уже нечего. Разве что увидеться перед встречей с герцогом. Да, именно! Пусть сам объясняется. В конце концов, я всего лишь сопровождал его. Вот так и скажу. Решено».

Он кликнул слугу и начал одеваться.

Герцога Орлеанского в его покоях он не застал и нашел его у кабинета короля, также ожидающего аудиенции. Тот был спокоен. Де Гиш подошел к нему и, заметно волнуясь, прошептал:

- И как мы теперь решим эту проблему?

Герцог еле слышно обронил в ответ:

- Тс-с, думаю, за нас уже все давно уже решили.

В эту минуту из кабинета вышел секретарь короля и, увидав герцога, поклонился, приглашая его войти. Филипп двинулся в покои короля, а де Гиш заморгал, не понимая, нужно ли ему идти вместе с его высочеством или ждать своей очереди. Но сомнения рассеялись, когда секретарь обернулся к нему:

- Вы тоже, граф.

В то утро Людовик XIV позировал господину Риго. Когда герцога Орлеанского и де Гиша ввели в его кабинет, он никак не отреагировал на их прибытие. Этикет требовал ждать, пока король первый заговорит с ними, поэтому они почтительно раскланялись и остановились у входа. Ситуация становилась до того комичной, что это начало раздражать герцога: позвать на аудиенцию и никак не реагировать на его прибытие. Герцог нарочито громко покашлял и посмотрел в сторону ширмы, скрывавшей короля. Его взору открывались только букли высокого парика да царственная мантия, но букли не шелохнулись. Секретарь тоже глянул за ширму. Людовик стоял неподвижно и многозначительно молчал, поглощенный позированием. Слышались только звуки кисти художника, наносившего на холст последние мазки. Герцог Орлеанский сел в кресло и забарабанил пальцами по подлокотнику: «Молчим? Ну что ж, давайте помолчим. А вот когда его спросят, уж ему будет что сказать».

Но все, что произошло далее, полностью перечеркнуло все его планы. То ли секретарь за долгие годы научился чувствовать настроение короля и угадывал его желания, то ли у них это было условлено заранее, но, к изумлению вошедших, первым тишину оборвал он:

– Его величество не в духе, тому причиной – эта дуэль. Право, ваше высочество, вы уже вышли из юношеского возраста, чтобы устраивать в Версале подобные драки, – взглянув в сторону ширмы, он продолжил, понизив голос: – Вы бы знали, чего стоило упросить Его величество не доводить дело до открытого процесса. Подумать только: в секундантах принц крови!

Герцог вскочил, его лицо покрылось пунцовыми пятнами от гнева, но секретарь словно не замечал его, повернувшись к де Гишу:

– А вы, сударь...

– Я? – де Гиш поднял испуганные глаза на секретаря.

– Да, вы. Вы, сударь мой! Вы же изволили быть секундантом. Король не прощает подобное поведение. Кстати, этот ваш дуэлянт, де Ла Буш, кажется, он же ваш приятель?

– Мой? – еле выдохнул де Гиш.

– Соблаговолите передать ему послание короля, – секретарь передал два тубуса графу и вновь посмотрел в сторону ширмы, однако Людовик так и хранил молчание, не прерывая позирования. Секретарь понял, что аудиенция окончена. – Можете идти, мсье.

Герцог не вышел – он вылетел от короля. Да, такого утонченного унижения он не испытывал давно. Ему сделали выговор устами секретаря, даже не удостоив беседы. Чертов старик. Он направился к выходу. Де Гиш еле поспевал за ним, придворные, толпившиеся на анфиладе, смотрели на них, явно заинтригованные этой сценой.

Внезапно раздался легкий ропот: в сопровождении гвардейцев по направлению к кабинету короля шел де Брезе. Он был бледнее обычного. Поравнявшись с герцогом Орлеанским и его спутником, он отвесил им учтивый поклон.

Филипп, не ответив, прошел мимо, что также вызвало негромкий ропот среди придворных, однако он быстро стих. Двери королевского кабинета распахнулись, снова показался секретарь и обратился к де Брезе:

– Король ждет вас, шевалье.

Глава 7

Людовик XIV неслучайно выбирал для аудиенции салон войны – он любил этот кабинет: живописные медальоны и росписи Шарля Лебрена, расположенные на потолках и сводах, напоминали Его Величеству об ушедшей молодости, когда, отождествляя царственный образ с героями античной мифологии, все художники воспевали его красоту и стать. Аллегорические композиции были посвящены военным победам, да и декор салона состоял в основном из воинских атрибутов. Но грозные символы войны на Шарля де Брезе особого впечатления не произвели. Правда, виной тому скорее были раны и отуманенное лихорадкой сознание. Когда он вошел в кабинет и учтиво поклонился, Людовик уже закончил сеанс позирования.

– Ах, это вы, шевалье де Брезе, – он скинул мантию на руки двух придворных и подошел к мольберту, вглядываясь в свое изображение. – Да, молодость, молодость, куда ты ушла? – теперь его лицо стало куда более одутловатым, зато ноги еще хороши. Живот художник искусно спрятал за складки мантии: он чувствует слабые места, этот Риго. Оценив работу, король улыбнулся художнику, – Прелестно! Благодарю вас, мсье Риго, продолжим завтра, – он сделал едва заметный кивок головой. Этого было достаточно, чтобы секретарь вместе с художником, поклонившись, удалились. После этого король оглянулся

на Шарля. – Ваши отец и брат верой и правдой служили мне и погибли героями. Принимая во внимание, что вы последний из рода, я запретил вам участвовать в войне, – начал король. – А вы... Вы мало того что оскверняете их память, еще и рискуете своей жизнью на дуэли.

– Боюсь, ваше величество ошибается. Или вас ввели в заблуждение! Произошла случайная стычка, – попробовал возразить де Брезе.

– Сударь, какая стычка! – прервал его король. – Второй день подряд я слышу, что мой двор шепчется о дуэли, о вашей дуэли. Вы что, забыли об эдиктах? Такой блестящий молодой человек должен служить примером для окружающих, а вы? – Людовик тронул де Брезе за плечо, тот слегка вздрогнул от боли: – Как ваша рана?

– Благодарю вас, уже лучше. Боюсь, что люди, распустившие эти сплетни, они...

– Милейший, в каждой сплетни есть доля правды. И эта дуэль приносит вред не только вашей репутации, но и репутации моего двора, – Людовик нагнулся и ласково погладил собачку, примостившуюся на кресле. – Да, моя дорогая? – король подошел к столу, приглашая де Брезе следовать за собой: – Я решил вас наказать. Единственная возможность получить прощение – это исполнить поручение, с которым я вас посылаю. Не буду скрывать, у меня на вас были другие планы, но вы сами виноваты.

У молодого человека все похолодело внутри. Он понял, что это была лишь прелюдия. Предчувствие не обмануло его, а то, что он услышал далее, было полной неожиданностью:

– В России царь Пётр воюет с Карлом шведским. И мы хотим знать о каждом вздохе этого государя варваров. Вы станете моими глазами и ушами при Петре, шевалье.

– Не будет ли мое появление там превратно истолковано мсье Балюзом? Насколько мне известно, он представляет интересы вашего величества в России.

– Не будет. Во-первых, он уже не сопровождает царя в военной кампании, а во-вторых, Балюз – поляк, а мне нужен француз. Тот, кто сможет составить подробный отчет о военных действиях, непосредственно находясь в лагере

царя, – король протянул руку к двум тубусам, лежавшим на столе: – Это ваши паспорта на въезд в Россию, а это – верительные грамоты, их вы передадите лично царю. И не вздумайте более искать графа ла Буша для дальнейшей сатисфакции. Он тоже понесет наказание. Справедливость требует этого. Прощайте!

Вручив бумаги Шарлю, он направился к дверям. Тяжелые створки раскрылись, и король вышел. Шарль застыл у стола, приходя в себя от подобного поворота событий. Придворные в анфиладе, среди которых была и мадмуазель де Монтеррас, с поклоном расступились перед Людовиком. Тот, приблизившись к девушке, склонившийся в реверансе, остановился:

– Мадмуазель, кажется, после игры в карты вы невероятно разбогатели. Говорят, кому везет в игре – не везет в любви, – от его пристального взгляда не укрылись замешательство девушки и ее беглый взгляд, обращенный на де Брезе, который все еще стоял в растерянности у стола в кабинете короля. Людовик обернулся к нему и искусно разыграл удивление: – О, вы еще здесь? Не медлите ни минуты, отправляйтесь тотчас! – король вновь глянул на Монтеррас, легко поклонился ей и направился далее по анфиладе, сопровождаемый секретарем и гвардейцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Принц Филипп Шатрский, герцог Орлеанский, сын Филиппа – брата короля Луи XIV.

2

Французский аналог Покера.

3

Равальяк – убийца короля Генриха IV.

4

Дегаже – фр. Degager (сброс, удаление): обратное действие как освобождение клинка от захвата.

Купить: https://tellnovel.com/ryaskov_oleg/sluga-gosudarev

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)